

Независимая газ. - 1999 - 14 янв. - с. 16

НАЧИНАЕТСЯ юбилейный пушкинский год. Предлагаем вниманию читателей публикацию документа, проливающего свет на некоторые малоизвестные факты творческой и политической биографии Пушкина. Речь идет о записи польского дворянина графа Юлия Струтынского. Отнестись к ней следует осторожно, но и «просто отбросить ее, как апокриф, нет никаких оснований», — писал ее переводчик и публикатор русский поэт Владимир Ходасевич, опубликовавший запись Струтынского в парижской газете «Возрождение» 18–19 февраля 1938 г. Весьма интересен анализ записи Струтынского, сделанный Ходасевичем. В советской и постсоветской печати статья Ходасевича и воспоминания Струтынского не воспроизводились. Здесь текст записи Струтынского приводится в сокращении.

Вот что, в частности, сообщает Ходасевич: «Граф Юлий Струтынский, родившийся в 1810 г., был последним отпрыском рода, принадлежавшего к высшей польской аристократии. В 1829 г. поступил он в митавский гусарский полк, а в тридцатых годах, молодым офицером, неоднократно бывал в Москве, где его двоюродная сестра была замужем за кн. П.С. Голицыным. В один из этих наездов он познакомился с Пушкиным и имел с ним длительный разговор, который впоследствии изложил в одном из томов своих обширных мемуаров, изданных в Кракове в 1873 г. под псевдонимом Юлия Саса. Пять лет спустя он скончался, оставив после себя, кроме мемуаров, более десятка томов поэзии и прозы, свидетельствующих о слабом художественном даровании, но о высокой образованности автора. После смерти он был основательно забыт, и лишь недавно в еженедельнике «Ведомости Литературные» Г.Тороповский перепечатал его запись о разговоре с Пушкиным. Когда именно происходил этот разговор, сам автор в точности не указывает. Г.Тороповский, на основании побочных признаков, относит событие к 1830 г.»

«НА ОДНОМ из упомянутых вечеров я познакомился с Пушкиным. Начало знакомства нашего было положено поэтессой Каролиной Яниш, которой Мишкевич давал уроки польского языка и которая перевела на немецкий несколько его произведений. Она представила меня Пушкину и несколькими лестными замечаниями снискала его внимание ко мне; а так как в природе этого замечательного человека предупредительная сердечность равнялась силе таланта и холодная расчетливость высокомерия (свойственная горделим и глупцам) не стесняла искренности, то вскоре мы сблизились. Я видел, как он старался снисзойти до моего уровня, свой гений приспособить для моего понимания и придать нашим отношениям характер приятной кротости, свойственной равному с равным, славянину со славянином, человеку с человеком <...>

— Молодость, — говорил Пушкин, — это горячка, безумие, напасть. Ее побуждения обычно бывают благородны, в нравственном смысле даже возвышенны, но чаще всего ведут к великой глупости, а то и к большей вине. Вы, вероятно, знаете, потому что об этом много писано и говорено, что я считался либералом, революционером, конспиратором, — словом, одним из самых упорных врагов монархизма и в особенности самодержавия. Таков я и был в действительности. История Греции и Рима создала в моем сознании величественный образ республиканской формы правления, украшенной ореолом великих мудрецов, философов, законодателей, героев; я был убежден, что эта форма правления — наилучшая. Философия XVIII века, ставившая себе единственной целью свободу человеческой личности и к этой цели стремившаяся всею силою отрицания прежних социальных и политических законов, всею силою издевательств над тем, что одобрялось из века в век и почиталось из поко-

ления в поколение, — эта философия энциклопедистов, принесшая миру так много хорошего, но несравненно больше дурного, немало повредила и мне. Крайние теории абсолютной свободы, не признающей над собою ничего ни на земле, ни в небе; индивидуализм, не считающийся с устоями, традициями, обычаями, с семьей, народом и государством; отрицание всякой веры в загробную жизнь души, всяких религиозных обрядов и догматов, — все это наполнило мою голову каким-то сияющим и соблазнительным хаосом снов, миражей, идеалов, среди которых мой разум терялся и порождая во мне глупые намерения. <...> Но всему своя пора и свой срок. Время изменило лихорадочный бред молодости. Все ребяческое отлетело прочь. Все порочное исчезло. Сердце загово-

ну, душа моя вдруг омрачилась — не тревогою, нет! — но чем-то похожим на ненависть, злобу, отвращение <...> И что же? Они разлетелись, как мыльные пузыри, исчезли в небытии, как сонные видения, когда он мне явился и со мной заговорил. Вместо надменного деспота, крутодержавного тирана я увидел монарха рыцарски прекрасного, величественно спокойного, благородного лицом. Вместо грубых, язвительных диких слов угрозы и обиды я услышал снисходительный упрек, выраженный участливо и благосклонно.

— Как? — сказал мне император, — и ты враг своего государя? Ты, которого Россия вырастила и покрыла славой? Пушкин, Пушкин! Это нехорошо! Так быть не должно!

своего политического предназначения. Она еще не оперлась на границы, необходимые для ее величия. Она еще не есть тело, вполне установившееся, монолитное, ибо элементы, из которых она состоит, до сих пор друг с другом не согласованы. Их сближает и сплавляет только самодержавие — неограниченная, всемогущая воля монарха. Без этой воли не было бы ни развития, ни спайки, а малейшее сотрясение разрушило бы все строение государства. (Помолчал.) Неужели ты думаешь, что будучи конституционным монархом я мог бы сокрушить главу революционной гидры, которую вы сами, сыны России, вскормили на погибель ей? Неужели ты думаешь, что обаяние самодержавной власти, врученной мне Богом, мало содей-

— Эта гидра. Это чудовище, — продолжал я, — самоуправство административных властей, развращенность чиновничества и подкупность судов. Россия стоит в тисках этой гидры поборов, насилия и грабежа, которая до сих пор издевается даже над высшей властью. На всем пространстве государства нет такого места, куда бы это чудовище не досягнуло! <...> Что же удивительного, если <...> возмущенные зрелищем униженного и страдающего отечества, подняли знамя сопротивления, разожгли огонь мятежа, чтобы уничтожить то, что есть и построить то, что должно быть: вместо притеснения — свободу, вместо насилия — безопасность, вместо продажности — нравственность, вместо произвола — покровительство закона, стоящего над всеми и равного для всех! Вы, ваше величество, можете осудить развитие этой мысли, незаконность средств в ее осуществлении, излишнюю дерзость предпринятого, но не можете не признать в ней порыва благородного! Вы могли и имели право покарать виновных, в патристическом безумии хотевших повалить трон Романовых, но я уверен, что даже карая их в глупине души вы не отказывали им ни в сочувствии, ни в уважении! Я уверен, что если государь карал, то человек прощал!

— Смелы твои слова! — сказал государь сурово, но без гнева. — Значит, ты одобряешь мятеж? Оправдываешь заговор против государства? Покушение на жизнь монарха?

— О нет, ваше величество, — вскричал я с волнением. — Я оправдывал только цели замысла, а не средства! Ваше величество умеет проникать в души — соблаговолите проникнуть в мою, и вы убедитесь, что все в ней чисто и ясно! В такой душе злой порыв не гнездится, преступление не скрывается!

— Хочу верить, что так, и верю! — сказал государь все более мягко. — У тебя нет недостатка ни в благородных убеждениях, ни в чувствах, но тебе недостает рассудительности, опытности, основательности <...> Нужно соединение всех высших духовных сил государства в одной великой, передовой идее; нужно соединение всех усилий и рвений в одном похвальном стремлении к поднятию самоуправления в народе и чувства чести — в обществе. Пусть все благонамеренные и способные люди объединятся вокруг меня. Пусть в меня веруют. Пусть самоотверженно и мирно идут туда, куда я поведу их — и гидра будет побеждена! Гангрена, разъедающая Россию, исчезнет! Ибо только в общих усилиях — победа, в согласии благородных сердец — спасение! Что же до тебя, Пушкин... ты свободен! Я забываю прошлое — даже уже забыл! Не вижу перед собой государственного преступника — вижу лишь человека с сердцем и талантом, вижу певца народной славы, на котором лежит высокое призвание — воспламенять души вечными добродетелями и ради великих подвигов! Теперь... можешь идти! Где бы ты ни поселился (ибо выбор зависит от тебя), помни, что я сказал и как с тобой поступил. Служи родине мыслью, словом и пером. Пиши для современников и для потомства. Пиши со всей полнотой вдохновения и с совершенной свободой, ибо цензором твоим — буду я!

Такова была сущность пушкинского рассказа. Наиболее значительные места, глубоко запечатлевшиеся в моей памяти, я привел почти дословно. Действительно ли его позднейшие сочинения получали царское разрешение или обычным путем подвергались критике цензурного комитета, с уверенностью сказать не могу. Мне как-то не пришло в голову спросить об этом Пушкина, и читатель легко поймет это, если соблаговолит припомнить, что я тогда был еще очень молод и что мое любопытство привлекали предметы более важные».

Публикацию подготовили
В.М. Осин, Б.А. Филимонов

ПОЭТ И ЦАРЬ

Малоизвестное свидетельство о встрече
Пушкина и Николая I

А.С. Пушкин. Акварель художника П.Ф. Соколова. 30-е гг.

Николай I.

рило с умом словами небесного откровения, и послушный спасительному призыву ум вдруг опомнился, успокоился, усмирился; и когда я осматрелся кругом, когда внимательней, глубже вникнул в видимое, — я понял, что казавшееся доньше правдой было ложью, чтимое — заблуждением, а цели, которые я себе ставил, грозили преступлением, падением, позором! Я понял, что абсолютная свобода, неограниченная никаким божеским законом, никакими общественными устоями, та свобода, о которой мечтают и красноречивуют молокососы или сумасшедшие, невозможна, а если бы была возможна, то была бы гибельна как для личности, так и для общества; что без законной власти, блюдушей общую жизнь народа, не было бы ни родины, ни государства, ни его политической мощи, ни исторической славы, ни развития; что в такой стране, как Россия, где разнородность государственных элементов, огромность пространства и темнота народной (да и дворянской!) массы требуют мощного направляющего воздействия, — в такой стране власть должна быть объединяющей, гармонизирующей, воспитывающей и долго еще должна оставаться диктаториальной или самодержавной <...> Конечно, этот абсолютизм, это самодержавное правление одного человека, стоящего выше закона, потому что он сам устанавливает закон, не может быть неизменной нормой, предопределяющей будущее; самодержавию суждено подвергнуться постепенному изменению и некогда поделиться половиною своей власти с народом. Но это наступит еще не скоро, потому что скоро наступить не может и не должно <...>

Помню, что, когда мне объявили приказание государя явиться к

— Я онемел от удивления и волнения. Слово застыло на губах. Государь молчал, а мне казалось, что его звучный голос еще звучал у меня в ушах, располагая к доверию, призывая опомниться. Мгновения бежали, а я не отвечал.

— Что же ты не говоришь? Ведь я жду?! — сказал государь и взглянул на меня пронзительно.

— Отрезвленный этими словами, а еще больше этим взглядом, я наконец опомнился, перевел дыхание и сказал спокойно:

— Виноват — и жду наказания.

— Я не привык спешить с наказанием! — сурово ответил император. — Если могу избежать этой крайности — бываю рад. Но я требую сердечного полного подчинения моей воле. Я требую от тебя, чтобы ты не вынуждал меня быть строгим, чтобы ты мне помог быть снисходительным и милостивым. Ты не возразил на упрек во вражде к своему государю — скажи же, почему ты враг ему?..

— Простите, ваше величество, что, не ответив сразу на ваш вопрос, я дал вам повод неверно обо мне думать. Я никогда не был врагом своего государя, не был врагом абсолютной монархии.

— Ваше величество, — отвечал я, — кроме республиканской формы правления, которой противопоставляет огромность России и разнородность населения, существует еще одна политическая форма: конституционная монархия.

— Она годится для государств, окончательно установившихся, — перебил государь тоном глубокого убеждения, — а не для таких, которые находятся на пути развития и роста. Россия еще не вышла из периода борьбы за существование. Она еще не добила тех условий, при которых возможно развитие внутренней жизни и культуры. Она еще не достигла

вовало удержанию в повиновении остатков гвардии и обузданию уличной черни, всегда готовой к бесчинству, грабежу и насилию? Она не посмела подняться против меня! Не посмела! Потому что самодержавный царь был для нее живым представителем божеского могущества и наместником Бога на земле; потому что она знала, что я понимаю всю великую ответственность своего призвания и что я не человек без закала и воли, которого гнут бури и устрашают громы!

Когда он говорил это, ощущение собственного величия и могущества, казалось, делало его гигантом. Лицо его было строго, глаза сверкали. Но это не были признаки гнева, нет! Он в ту минуту не гневался, но испытывал <...> измерил силу сопротивления, мысленно с ним боролся и побеждал. Он был горд и в то же время доволен. Но вскоре выражение его лица смягчилось, глаза погасли, он снова прошелся по кабинету, снова остановился передо мной и сказал:

— Ты еще не все высказал. Ты еще не вполне очистил свою мысль от предрассудков и заблуждений. Может быть, у тебя на сердце лежит что-нибудь такое, что его тревожит и мучит? Признайся смело. Я хочу тебя выслушать и выслушаю.

— Ваше величество, отвечал я с чувством, — вы сокрушили главу революционной гидры. Вы совершили великое дело — кто станет спорить? Однако... есть и другая гидра, чудовище страшное и губительное. С которым вы должны бороться, которого должны уничтожить, потому что иначе оно вас уничтожит!

— Выражайся ясней! — перебил государь, готовясь ловить каждое мое слово.